

Михаил Андреевич Балугьянский:
«Свой» среди «чужих», «чужой» среди «своих»*

Abstract:

Dronov M.Y. *Mikhail Andreevich Balugyansky: "At Home Among Strangers, A Stranger At Home"*.

The article is dedicated to M. A. Balugyansky (1769–1847), the first rector of the University of St. Petersburg, a well-known economist, an associate of M. M. Speransky. A special attention is given to the identity of the scholar.

Ключевые слова: Балугьянский, идентичность, русины.

«Один народ, от которого можно нам желать ученых – есть Карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших...»¹. Эти слова, приписываемые в литературе то князю А.Н. Голицыну, то попечителю Казанского учебного округа М.Л. Магницкому², относятся к 20-м гг. XIX в. и касаются небольшого славянского этноса, который сегодня чаще всего известен под именем карпатских русинов. Впрочем, не так уж принципиально, кто конкретно является автором цитаты. Важно, что именно «карпатороссы», русинские уроженцы Венгерского королевства под скипетром Габсбургов, представлялись российской образовательной элите как оптимальные партнеры в деле просвещения собственной империи. Являясь восточными славянами по языку и восточными христианами по вере (пущай, и в вынужденной церковной унии с Римом), русины-интеллектуалы в то же время обладали плодами европейской учености. Таким образом, «карпаторусские» профессора, благодаря своим этноконфессиональным данностям и приобретенному научному багажу, становились ценнейшими кандидатурами для развития отечественной науки и образования. К плеяде приглашенных из Венгрии ученых принадлежал и Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) – первый ректор Санкт-Петербургского университета, видный российский экономист, сподвижник реформатора М.М. Сперанского.

Диапазон деятельности М.А. Балугьянского в России впечатляет. В страну он был приглашен по рекомендации своего земляка Ивана Семеновича Орлая (1770–1829), который упомянул его в «Записке о некоторых карпато-русских профессорах» (1803)³. Предложение было как нельзя выгодным и своевременным: Балугьянский являлся активным деятелем тайного яковинского «Общества свободы и равенства», поэтому в наступивший

---

* Авторская работа выполнена по гранту РГНФ № 12-01-00202.

период репрессий против якобинцев он находился в отчаянии и страхе за свое будущее⁴. Согласившись приехать лишь на три года, ученый затем неоднократно продлевал свой контракт и, в результате, прожил в российской столице вплоть до собственной кончины.

По приезде в 1804 г. Балугьянский сразу же занял пост профессора политэкономии Санкт-Петербургского педагогического института и параллельно с этим приступил к службе в министерстве юстиции и министерстве финансов. Важной заслугой Балугьянского в первые годы пребывания в России стала разработка русской юридической терминологии. В 1813–1817 гг. ученый являлся одним из преподавателей великих князей – Николая Павловича (будущего императора) и Михаила Павловича. В 1814 г. Балугьянский представил Александру I проект нового финансового плана и четырехтомную записку по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В 1816 г. он стал деканом философско-юридического факультета Главного педагогического института. В 1819 г. ему посчастливилось стать первым ректором основанного на базе института Санкт-Петербургского университета. Должность ректора он занимал до 1821 г., а после своего смещения вплоть до 1824 г. оставался в штате.

В 1822 г. Балугьянскому было поручено исполнять функции арбитра от России при решении споров между Великобританией и Соединенными Штатами. Кроме этого именно он вел на латыни дипломатическую переписку между Российской империей и Китаем. В том же 1822 г. Балугьянский стал членом комиссии по составлению законов в области финансов. Уже в 1826 г. он возглавил Второе отделение «Собственной Его Императорского Величества канцелярии», которое занималось кодификацией законов. Тем самым он стал ближайшим сотрудником Сперанского, являвшегося «главноуправляющим» отделения. В 1832 г. вышли 15 томов Свода законов России, введенного в 1835 г. Работу по его составлению Балугьянский считал наиболее ответственной деятельностью, которой ему довелось заниматься в России. В 1835 г. он вновь вернулся в Санкт-Петербургский университет, возглавив в нем экзаменационную комиссию. В 1836 г. Балугьянский стал членом-корреспондентом статистического отделения министерства внутренних дел. В 1837 г. род Балугьянских был сопричтен к потомственному российскому дворянству. Свою службу Михаил Андреевич окончил как сенатор и тайный советник⁵. Отметим, что детальное перечисление всех инициатив и достижений ученого в России едва ли возможно в рамках небольшой статьи.

Однако личность М.А. Балугьянского интересна не только своей многогранной научной и общественно-политической деятельностью. Его судьба, как, впрочем, и других «карпатороссов», в течение жизни была связана

сразу с несколькими регионами и культурами, в том числе изначально пограничными и гетерогенными. Именно поэтому его собственная идентичность поддается современной расшифровке с большим трудом. Но как раз на ней, по нашему мнению, и можно обосновать принципиально новую роль Балугьянского в контексте культур Центральной и Восточной Европы.

Балугьянский родился 26 сентября 1769 г. в семье греко-католического священника в селе Вышня Ольшава Земплинской столицы тогдашнего Венгерского королевства (ныне – территория Словацкой Республики). Примечательно, что предки и родственники ученого были известны как Балудянские, а не Балугьянские. Тем не менее, сам Михаил Андреевич вошел в историю именно как Балугьянский (эта транскрипция основана на специфическом прочтении венгерской формы *Bálu gyánszky*)⁶. Подобно многим другим священническим семьям региона, род Балудянских происходил из соседней Галиции. По-видимому, его фамилия образована от названия лемковского села Балутянка Саноцкого повета. Однако исследования львовского историка Ивана Красовского показали, что носители такой фамилии были сосредоточены в другом селе, расположенном неподалеку, – Завадке Римановской. Поэтому, вероятнее всего, именно оттуда происходят отдаленные предки Балугьянского⁷.

Несмотря на русинские корни, взросление будущего ученого проходило в подчеркнuto мультикультурной среде различных центров монархии Габсбургов. Среднее образование Балугьянский получил в гимназии монахов-паулинов г. Шаторальяуйхей и в Королевской академии в г. Кошице. Позднее он продолжил обучение на юридическом факультете Венского университета, который окончил в 1789 г. Ввиду очевидных способностей выпускника его пригласили стать профессором в недавно учрежденной Гражданской академии в г. Надьварад (Великий Варадин, ныне – Орадя, Румыния), где Балудянский читал политические науки, полицейское, финансовое и торговое право. В 1796 г. он получил степень доктора права, а в 1802 г. возглавил юридический факультет Пештского университета. В том же году Балугьянский женился на венгерской дворянке немецкого происхождения Антонии Анне Юлии фон Гегер⁸. Исходя из этого можно утверждать, что в годы своей молодости Балугьянский был связан не столько с близкими славянскими, сколько с венгерским, латинским и немецким языками. Последние в «лоскутной монархии» являлись средством межэтнической коммуникации. А владение ими одновременно повышало социальный статус тех, кто не был от рождения мадяром или немцем.

В свете сказанного крайне показательна идентификация Балугьянского в России. Как уже было сказано, в нашу страну он попал как «карпаторосс». Однако сам ученый предпочитал именовать себя «венгерцем». Примеча-

тельно, что он сознательно закрепил за собой написание своей фамилии, основанное на понятной для русских транслитерации ее венгерского написания, хотя вполне мог бы вновь стать Балудьянским (впрочем, именно так его упорно именуют в своих текстах русинские и украинские исследователи).

Впрочем, можно было бы предположить, что «венгерская» идентичность Балугьянского была связана с принадлежностью Венгерскому королевству (все жители которого были известны как *Hungari*⁹), а не к венгерскому народу в современном понимании. Так, например, ближайшие соседи венгров и бывшие подданные Венгрии, словаки, до сих пор разделяют в своем языке прилагательные *uhorský* (относящееся также к словацким землям в прошлом) и узко национальное *mad'arský*. Однако оставившая воспоминания дочь Балугьянского баронесса Мария Медем сочла нужным уточнить следующее: «Есть основание предполагать, что по происхождению он (ее отец. – М.Д.) Славянин, а не Венгерец, как он называл себя»¹⁰. Таким образом, получается, что многие окружающие вкладывали в слово «венгерец» именно этнический смысл.

Хотя русинское наречие и церковнославянский язык были знакомы полиглоту Балугьянскому с детства, по свидетельству современников, русская литературная речь давалась ему достаточно тяжело. По словам его дочери, сравнивавшей своего отца с его ближайшим коллегой, «Сперанский имел выгоду Русского языка, чего был совершенно лишен Михаил Андреевич, бумаги которого вчерне писались или по-латыни, или по-французски, а только в последствии он освоился с чуждым ему языком. Они были в беспрерывных сношениях и вели часто переписку и разговоры по-латыни»¹¹. Исходя из этого, можно предположить, что определенные языковые сложности также препятствовали большей актуализации у Балугьянского «карпаторусской» или просто «русской» идентичности. В этом, по-видимому, он заметно отставал от других служивших в России своих земляков. Например, для сравнения можно привести упоминавшегося И.С. Орлая, который написал историческую работу о русинах под красноречивым названием «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» (1804)¹².

Интересное свидетельство о менталитете Балугьянского-петербуржца оставил основоположник российской болгаристики русин Юрий Иванович Венелин (Гуца, 1802–1839). В одном из писем М.П. Погодину за 1830 г. он отмечал: «В прошедшее воскресенье обедал у Балугьянского; чувствовал, что не нахожусь на своем месте, несмотря на землячество: это меня бесило: это не в характере карпатороссов»¹³. Несмотря на свою якобинскую молодость и демократизм по отношению к непосредственным подчиненным, сын

бедного священника Балугьянский в Петербурге стремился приблизиться к высшему обществу, вольно или невольно дистанцируясь от простонародной среды, из которой сам вышел. Как известно, это ему вполне удалось.

Однако все «карпатороссы», оказавшиеся в России, хотя и тесно привязались к новому отечеству, все равно в той или иной степени тосковали как по своей малой карпатской родине, так и по давшему им путевку в жизнь Венгерскому королевству. В качестве наглядного примера можно привести воспоминания литератора Нестора Кукольника (1809–1864), сына русина Василия Григорьевича Кукольника (1765–1821), о венгерской постановке «Эмерик» в их семейном театре. Вспоминая о спектакле, он писал: «Желая сделать отцу приятный сюрприз, Александр Васильевич (брат Нестора. – М.Д.) откопал где-то вид Оффена или Буды, расспрашивал батюшку о разных особенностях местности, не давая заметить цели... В день представления на венгерскую трагедию натурально были приглашены все карпатороссы: и Орлай, и Балудьянский (Балугьянский. – М.Д.), и П.Д. Лодий (философ Петр Дмитриевич Лодий (1764–1829). – М.Д.). Дошло до пятого акта. Подымается занавес... Карпатороссы, несмотря на свои лета, вскакивают с места и первый П.Д. Лодий кричит с восторгом: “Буда, Буда!!”»¹⁴. Позволим себе предположить, что культурный западник Балугьянский, столь многим обязанный Венгрии, получил особенное удовольствие от этого домашнего представления.

В каком-то смысле можно утверждать, что Венгрия, даже в самом узком понимании, ее культура и язык всегда оставались в сердце М.А. Балугьянского. Проживая в Петербурге, он вел обширную переписку с венгерскими учеными, что вызывало беспокойность самого венского двора. В России Балугьянский поддерживал тесные контакты с другими уроженцами Австрийской империи, причем далеко не только с «карпатороссами», упомянутыми выше. Он неоднократно (1807, 1812) пытался посетить Венгрию, однако в этом ему противодействовали австрийские придворные круги, подозревавшие в нем русского эmissара. Не прибавляло доверия и якобинское прошлое. Однако ему все-таки удалось вновь побывать в Габсбургской монархии: в 1828 г. – на лечении в Карловых Варах, в 1845 г. – с посещением одного из городов своей юности, Пешта, и в 1846 г., незадолго до кончины, вновь на лечение. Визит уже пожилого Балугьянского в Венгрию вызвал особенно большой интерес у общественности. Современники отмечали то, что он сумел сохранить хороший венгерский язык. Сам Балугьянский прощался с Пештом со слезами на глазах¹⁵.

Венгерские элементы пронизывали петербургский быт ученого. По воспоминаниям М. Медем, в минуты отдыха он не отказывал себе в стаканчике токайского, которое «всегда развеселяло его и напоминало его роди-

ну», а из музыкальных произведений любил, в частности, «Венгерский танец» (по-видимому, чардаш или связанный с ним вариант краковяка – так называемую венгерку¹⁶). Хотя, конечно, эти второстепенные факты лишь дополняют, но самостоятельно не определяют картину. В противном случае, основываясь на том, что любимой песней Балугьянского являлось малороссийское произведение «Їхав козак за Дунай»¹⁷, его можно было бы без натяжки причислить к украинцам.

Так или иначе, посмертная этнокультурная идентификация М.А. Балугьянского исследователями действительно крайне сложна. Наглядное резюме этого на конкретных примерах подает в своей книге о «закарпатоукраинской интеллигенции» в России словацкая исследовательница русского происхождения Тамара Байцура: «Венгерский ученый Л. Тарди, автор обширной монографии о М.А. Балугьянском и брошюры об И.С. Орлае, называет их венграми. Словацкий ученый и библиограф М. Федор, полемизируя с Л. Тарди, причисляет М.А. Балугьянского к словакам»¹⁸. Если задуматься, обе эти точки зрения имеют свой резон. С одной стороны, как было показано выше, Балугьянский не только называл себя «венгерцем», но и искренне любил мадьярскую культуру. С другой стороны, его родное село находится на территории современной Словакии, причем относительно далеко от словацко-венгерской границы. Большинство жителей Вышней Ольшавы, несмотря на русинские этнические корни и доминирование в селе греко-католической церкви, в рамках современных переписей называют себя именно словаками¹⁹. При этом, однако, игнорируется, что сам Балугьянский вряд ли предвидел в будущем образование Словацкой Республики (хотя и поддерживал контакты со словацкими и чешскими деятелями). Являясь же греко-католиком, он едва ли мог относить себя в первой половине XIX в. к словакам.

Не все складывается просто и с русинской, казалось бы, особенно логичной, идентификацией, восходящей корнями к «карпаторусскости». Контакты Балугьянского с русинской средой, в том числе со своими родственниками, не были чересчур интенсивными. Как отметил венгерский русинист Михаил Капраль, «хотя М. Балудянский не внес никакого вклада в родную культуру, его достижения на ниве науки, просвещения и управления в России стали предметом гордости среди русинов»²⁰. Только этим можно объяснить, почему сегодня портрет Балугьянского украшает, например, агитационные материалы русинских организаций перед переписями. В случае же, если не признавать самостоятельный этнонациональный статус русинов (как это официально делается на Украине, где они считаются лишь этнографической группой украинцев), Балугьянский автоматически становится украин-

ским ученым. Естественно, подобные трактовки не могут удовлетворить исследователя, хотя они и весьма востребованы широкой общественностью.

К сожалению, наши современники часто игнорируют то, что реконструировать идентичности прошлого, при этом найдя их эквиваленты в настоящем, едва ли полностью посильная задача. Тем более, когда речь идет о человеке с такой необычной биографией, как у Балугьянского. Сложно не согласиться со взвешенным выводом Т. Байцуры: «... все попытки установить, кем были они (Балугьянский и его земляки. – М.Д.) в современном понимании слова – украинцами, венграми или словаками, представляются модернистскими, поскольку происходит перетасовка понятий, возникших в совершенно другое время и в иной обстановке»²¹.

К слову, не менее дискуссионным является и вопрос о конфессиональной принадлежности М.А. Балугьянского. Известно, что, как сын греко-католического пастыря, он был весьма набожен. Покинув родительский дом, Балугьянский воспитывался римско-католическими монахами-паулинами, которые укрепили у мальчика знания католической теологии (единой для римо- и греко-католиков, различающихся, в первую очередь, обрядовыми формами). Перебравшись в православную Россию, ученый практически в течение всей своей службы оставался верным греко-католической конфессии, даже несмотря на ее официальную ликвидацию в большинстве западных губерний в результате Полоцкого собора 1839 г. Несомненно, он также сохранял близость и католичеству в его господствующей латинской форме. Известен случай, когда, находясь в 1845 г. за рубежом, Балугьянский даже пустился в теологический спор с одним из лидеров так называемых «новых католиков», увещевая его вернуться в лоно Римско-католической церкви. Именно на латыни родные читали ему Библию на смертном одре. Однако последнее причастие он получил все же из рук православного священника (впервые он причастился в православном храме за две недели до смерти)²². Тело ученого, скончавшегося 3 апреля 1847 г., придали земле на подчerkнуто православном погосте – монастырском кладбище Троице-Сергиевской приморской пустыни²³. Кто знает, возможно, предсмертные еклeзиологические раздумья униата Балугьянского просто опередили свое время в вопросе поиска общего знаменателя для ближайших христианских конфессий.

В целом, при размышлениях о личности М.А. Балугьянского, невольно напрашивается мысль, что светлая память об этом человеке сплывает соседние народы. В той или иной степени «своим» (хотя одновременно отчасти «чужим») он и сегодня остается для венгров, русинов, русских, словаков и украинцев. Точно так же волею судьбы Балугьянский незримо соединяет три ветви христианства – католичество обоих обрядов и православие. Повидимому, подобная сложность порой доставляла ученому при жизни неко-

торый дискомфорт. Однако в современном глобализированном мире такие фигуры как Балугьянский, напротив, могут выступать в качестве символов диалога культур – незримых посредников между соседними народами и вероисповеданиями.

В заключение хочется привести яркий пример межкультурного единения вокруг личности М.А. Балугьянского. 29 апреля 2010 г. в Северной столице России состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной этому сыну русинских Карпат. Идея установки его барельефа на ректорском флигеле СПбГУ была выдвинута Генеральным консульством Словакии в Санкт-Петербурге. Художественную реализацию проекта взял на себя скульптор с венгерской фамилией Сабо...

Примечания

¹ Чума А., Бондар А. Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині (Історичний нарис). Ч. І. Пряшів, 1967. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Укладачі П.Р. Магочій, І. Поп. Переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 562.

⁴ Мольнар Л.В. Деятельность педагогов-выходцев из Венгрии в России (1703–1848) // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. № 3–4. С. 328–329.

⁵ Вархола М., Дубовицка Л. Вклад первого ректора Санкт-Петербургского университета Михаила Балугьянского в развитие науки и образования // *Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Серія педагогічна*. Вип. 15. Кам'янець-Подільський, 2009. С. 187–190.

⁶ Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава; Пряшів, 1971. С. 6.

⁷ Красовський І. Прізвища галицьких лемків у XVIII ст. Львів, 1993. С. 30; Красовський І. Діячі науки і культури Лемківщини. Довідник. Торонто; Львів, 2000. С. 83.

⁸ Вархола М., Дубовицка Л. Указ. соч. С. 190.

⁹ Хаванова О.В. Венгерский Миллениум 1896 года: между «Потемкинкой деревней» и «Градом Китежем» // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 381.

¹⁰ Медем М.М. М.А. Балугьянский. Мои воспоминания об отце моем Михаиле Андреевиче Балугьянском // *Русский архив*. Кн. 3. М., 1885. С. 415.

¹¹ Там же. С. 431.

¹² Аристов Ф.Ф. Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995. С. 17–18.

¹³ Ученое пугшествое Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 2005. С. 65. П. 26.

¹⁴ Кужольник Н. Мои воспоминания // *Исторический вестник*. 1891. № 7. С. 79.

¹⁵ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971. С. 191–194.

¹⁶ Краткий словарь танцев / Под ред. А.В. Филиппова. М., 2006. С. 39–40.

¹⁷ Медем М.М. Указ. соч. С. 430.

¹⁸ Байцура Т. Указ соч. С. 11.

¹⁹ Красзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / Головний редактор Ф. Ковач. Пряшів, 1999. С. 408–409.

²⁰ Енциклопедія... С. 39.

²¹ Байцура Т. Указ соч. С. 13.

²² *Медем М.М.* Указ. соч. С. 423, 428–429.

²³ *Косачевская Е.М.* Указ. соч. С. 269.